

КОНТРАНАСТУПЛЕНИЕ РУССКИХ ВОЙСК В 1812 ГОДУ: ПЛАНЫ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ

Газета «Северная почта» опубликовала 27 ноября 1812 г. рапорт М. И. Кутузова Александру I от 15 ноября, из которого общественность России впервые узнала о том, что русские войска действуют по «общему плану». Ни в этом, ни в последующих номерах газета не сообщила, кто является автором плана, каково его содержание. Из рапорта фельдмаршала можно было заключить, что он был прислан ему Александром I, а между тем Кутузов писал: «Сходно предписаниям моим выполняется общий план, вашим императорским величеством утвержденный»¹. Накладывая на рапорт резолюцию «Для напечатания», Александр I заменил слово «утвержденный» на «присланный» и тем самым фальсифицировал документ.

Версия о том, что план разгрома противника был разработан под руководством царя, а Кутузов был лишь его исполнителем, получила широкое распространение в дооктябрьской историографии. Так, Д. П. Бутурлин писал: «Между тем, как Наполеон предавался кичливым надеждам своим, в Петербурге соображали его погибель». Автор утверждал, что «со стороны Кутузова не было контрзамечаний» на присланный план². Р. М. Зотов подчеркивал, что русская армия победила Наполеона потому, что «Александр составил один из превосходнейших военных планов»³. Такой же точки зрения придерживались многие дворянские⁴ и буржуазные⁵ историки, лишь комментировавшие рескрипты Александра I от 31 августа 1812 г., в которых излагался план разгрома войск Наполеона на Березине.

В советской историографии вопрос о планах разгрома французской армии длительное время не изучался⁶. Положение изменилось в 40-е гг. В 1945 г. советский народ торжественно отметил 200-летие со дня рождения М. И. Кутузова. К юбилею были опубликованы важнейшие документы полко-

водца, отражающие его военно-стратегический план периода Отечественной войны 1812 г.⁷. Принципиальное значение имела брошюра «Михаил Илларионович Кутузов», подготовленная Управлением пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), в которой была дана высокая оценка искусству фельдмаршала: «Полководческое мастерство Кутузова – его стратегия и тактика – превзошло полководческое искусство Наполеона». Касаясь кутузовского плана разгрома французской армии, авторы подчеркнули, что он преследовал «решительные цели, стремясь к полному поражению врага»⁸. Содержательные статьи о полководческой деятельности Кутузова в 1812 г. были опубликованы в журнале «Военная мысль»⁹.

Однако в целом в юбилейной литературе стратегический план Кутузова не был раскрыт. Авторы по-разному определяли район, в котором он намеревался нанести окончательное поражение главным силам Наполеона. Сославшись на предписание фельдмаршала генералу П. Х. Витгенштейну от 1 ноября, А. М. Готовцев сделал вывод, что это должно было произойти между Днепром, Березиной и Двиной¹⁰. Многие же авторы считали, что Кутузов ставил задачу окружить и разгромить наполеоновскую армию на Березине, преувеличивали роль пространства и испытываемого неприятелем голода. В частности, Н. М. Коробков писал, что Кутузов «знал, что голодная армия Наполеона, окруженная партизанами, на длительном пути из России погибнет вернее и полнее, чем в каком бы то ни было сражении, и он уже подготовил план ее окружения и окончательной гибели на Березине»¹¹. Широкое распространение в литературе получило утверждение о том, что Кутузов стремился «изгнать Наполеона» из России. Однако в обзоре юбилейной литературы журнал «Военная мысль» подчеркнул, что «это принципиально неверная характеристика стратегии Кутузова в войне 1812 г.»¹².

И. В. Сталин в ответе военному историку Е. А. Разину определил действия русских войск на втором этапе Отечественной войны как контрнаступление: «...Наш гениальный полководец Кутузов загубил Наполеона и его армию при помощи хорошо подготовленного контрнаступления»¹³. Этот тезис стал пропагандироваться в научно-популярных статьях¹⁴, пред-

шествовавших появлению монографии П. А. Жилина – первой серьезной работы о подготовке и развитии контрнаступления русской армии в 1812 г.¹⁵ Опираясь на разнообразные источники, автор подверг обоснованной критике концепции русских и иностранных дворянских и буржуазных историков, в которых принижалась роль М. И. Кутузова в разгроме наполеоновского нашествия. Новые черты военного искусства фельдмаршала, подчеркнул П. А. Жилин, заключались как в самом плане контрнаступления русских войск на главные силы Наполеона, так и в способах его осуществления. Кутузов, отмечалось в монографии, предусматривал участие в разгроме французской армии «всех действующих армий и осуществление в ходе наступления такой сложной и решительной формы боевых действий, как окружение». В отличие от А. М. Готовцева, автор считал, что окончательное поражение врагу русский главнокомандующий решил нанести «на ближайших коммуникациях противника, по пути его отступления к Смоленску»¹⁶.

Крупный вклад в изучение истории Отечественной войны 1812 г. внес Л. Г. Бескровный, уделивший главное внимание контрнаступлению русской армии¹⁷. Он первый установил, что во время следования в армию у Кутузова созрело решение «остановить армию Наполеона и не допустить ее к Москве». Новую трактовку получило и Бородинское сражение: оно давалось Кутузовым с целью положить конец успехам Наполеона и носило активно-оборонительный характер. Обстоятельно были рассмотрены Л. Г. Бескровным подготовка контрнаступления, «малая война», борьба за стратегическую инициативу, вопрос о параллельном преследовании противника. Уничтожение живой силы врага, заключал автор, являлось основной целью замыслов фельдмаршала.

В 50-е гг. вышел в свет фундаментальный сборник документов «М. И. Кутузов»¹⁸, четвертый том которого посвящен деятельности полководца в период Отечественной войны 1812 г. Документы дают возможность осветить эволюцию стратегических замыслов главнокомандующего и их реализацию в ходе борьбы русской армии за стратегическую инициативу, преследования и полного разгрома войск Наполеона.

К 150-летию Отечественной войны и в последующие годы увидела свет многочисленная литература, отражающая как

основные этапы борьбы с французским нашествием, так и полководческое искусство М. И. Кутузова¹⁹. Вопросы стратегии и тактики фельдмаршала получили наиболее полное отражение в последующих трудах Л. Г. Бескровного, П. А. Жилина и Н. А. Троицкого²⁰, подробно рассмотревших кутузовский план контрнаступления. Они подвергли критике петербургский план, присланный Александром I, осветили ход и результаты контрнаступления русской армии.

Хотя советские ученые и проделали большую и плодотворную работу по анализу одной из сложных и важных проблем истории Отечественной войны 1812 г., однако ряд вопросов требует дополнительного освещения. Исследователи высказывают противоречивые суждения о том, в каком районе М. И. Кутузов намеревался первоначально окружить и разгромить главные силы Наполеона. Недостаточно четко определены принципиальные отличия кутузовского плана от петербургского, зачастую авторы смешивают их²¹, не показывают, как они выполнялись в ходе контрнаступления. Совершенно не нашел отражения и план адмирала П. В. Чичагова, выполнявшего волю Александра I. Эти и некоторые другие вопросы и являются предметом данного исследования.

* * *

Под давлением общественного мнения Александр I рескриптом от 8 августа 1812 г. назначил М. И. Кутузова главнокомандующим «над всеми действующими армиями», размещенными на огромных пространствах России.

После сдачи Смоленска 1-я и 2-я Западные армии под командованием М. Б. Барклая де Толли и П. И. Багратиона отступали к Москве. Корпус генерала П. Х. Витгенштейна и гарнизон Риги сдерживали натиск корпусов маршалов Ж.-Э. Макдональда, Н.-К. Удино и Л. Гувиона Сен-Сира. Из Финляндии на судах Балтийского военно-морского флота на помощь Витгенштейну перебрасывался корпус генерала Ф. Ф. Штейнгейля. 3-я Западная армия генерала А. П. Тормасова, ведя арьергардные бои с корпусами К. Шварценберга и Ж.-Л. Ренье и дивизией А. Косинского, отходила за р. Стырь. Кор-

пус генерала Ф. В. Остен-Сакена находился в районе Житомира и служил резервом 3-й армии. 2-й резервный корпус генерал-лейтенанта Ф. Ф. Эртеля, располагаясь в Мозыре, прикрывал Киевскую и отчасти Черниговскую губернии от действий наполеоновских войск, расположенных в Южной Белоруссии. Высвободившаяся после ратификации Бухарестского мира Дунайская (Молдавская) армия П. В. Чичагова перемещалась из Валахии на Вольшь. Сюда же из Крыма следовала 13-я дивизия генерал-лейтенанта Э. И. Риппелье.

Не получив в Военном министерстве и на аудиенции у царя удовлетворительного ответа на свой запрос о резервах, Кутузов решил привлечь к борьбе против главных сил Наполеона войска левофланговой группировки. В свою очередь, корпусу Витгенштейна было предписано продолжать прикрывать петербургское направление²². Задачи 3-й и Дунайской армиям в общем виде были определены в письмах Тормасову и Чичагову от 14 августа. «Все то, что мы имеем, кроме 1-й и 2-й армий, — указывал Кутузов, — должно бы действовать на правый фланг неприятеля, дабы тем единственно остановить его стремление»²³. Уже по дороге в армию он вынашивал, следовательно, план концентрического наступления всех русских армий на основные силы противника.

Главнокомандующий настойчиво рекомендовал «не думать об отдаленных диверсиях», отменив предписание Тормасову и Чичагову «действовать в тыл неприятелю», данное 11 августа М. Б. Барклаем де Толли от имени Александра I²⁴.

В письме от 20 августа, сообщив о намерении дать «генеральное сражение у Можайска», он поручил А. П. Тормасову, «собрав к себе все силы генерал-лейтенанта Эртеля при Мозыре и генерал-лейтенанта Сакена при Житомире, идти с ними вместе» с 3-й армией, «действовать на правый фланг неприятеля»²⁵. Оборону украинских губерний Кутузов возлагал на П. В. Чичагова. «Я полагаю армию вашу, перешедшую уже Днестр, — писал он в тот же день адмиралу, — а потому все то, что занимало попечение генерала Тормасова, может войти в предмет вашу»²⁶.

Как и в первых посланиях, в письмах от 20 августа М. И. Кутузов не указал маршрут движения и конкретный район

действий 3-й армии. Все это должен был определить сам Тормасов: «С сим нарочным буду я ожидать уведомления вашего... о тех мерах, которые вы посему предпринять изволите, равно о пунктах ваших операций и сведения о состоянии ваших сил»²⁷. Это в высшей степени интересная фраза. Во-первых, она отражает важность момента: до Бородинского сражения оставались считанные дни, и фельдмаршал решал вопрос, сможет ли он остановить противника и перейти в наступление. Это зависело во многом и от активности 3-й армии. Во-вторых, он предоставлял Тормасову большую самостоятельность.

Тормасов получил распоряжение Кутузова 30 августа, когда его армия находилась уже за Стырью, а войска Чичагова – в Каменец-Подольском, т.е. в четырех переходах от 3-й армии. Одобрительно отозвавшись о решении Кутузова поручить оборону украинских губерний Дунайской армии, Тормасов в тот же день информировал его: «...Как скоро... г-н адмирал Чичагов с войсками прибудет, то по соображению с ним местных обстоятельств предполагаю я обратиться через Мозырь, Бобруйск к Мстиславлю, держа сколь можно параллельное направление с дорогою, от Минска через Оршу к Смоленску идущую»²⁸. Выбранная дорога была очень удобной: двигаясь по ней, 3-я армия прикрывала бы Киевскую и Черниговскую губернии и присоединила корпуса Остен-Сакена и Эртеля.

В письме от 31 августа Чичагов сообщил Кутузову, что к 10 сентября его армия сосредоточится в районе Дубно. Что касается предложений главнокомандующего, то на них он ответил весьма туманно: «Учредив с ним (Тормасовым. – Б. А.) сообщения, сколь найду сие возможным по дальнему расстоянию мест, которые армии наши занимать будут, я стану стараться исполнить все то, что к пользе общей служить может»²⁹.

Ответ Чичагова Кутузову и дальнейшее поведение адмирала будут непонятны, если не осветить, хотя бы кратко, его взаимоотношения с Александром I. Чичагов пользовался покровительством царя. Назначая его в апреле 1812 г. вместо Кутузова главнокомандующим Дунайской армией, а также начальником Черноморского военно-морского флота и верховным правителем Валахии и Молдавии, Александр I в именном рес-

крипте предоставил ему право быть независимым «от всякой иной власти, кроме монаршей»³⁰. Этим правом Чичагов широко пользовался. Он игнорировал распоряжения военного министра Барклая де Толли, а затем Кутузова.

Александр I определил и боевое назначение Дунайской армии. В письме от 18 июля он предписал Чичагову следовать в Дубно, где обещал присоединить к его войскам 3-ю армию. «Вы будете в состоянии перейти в наступление и действовать на Пинск или Люблин и Варшаву»³¹, – подчеркивал царь. Сам адмирал был склонен вести операции в Варшавском герцогстве, о чем неоднократно сообщал подчиненным генералам и Тормасову³².

Чичагов настаивал, чтобы Александр I быстрее подчинил ему 3-ю армию. «Если мне суждено командовать армиею генерала Тормасова, – писал от 18 июля, – то умоляю Ваше величество дать повеление Ваше немедленно». «Надеюсь, – подчеркивал адмирал в послании от 18 августа, – что до соединения я уже буду знать, кто из нас двоих будет командовать – генерал Тормасов или я»³³.

Итак, задолго до прибытия Дунайской армии на Вольнь Александр I решил такие важные вопросы, как объединение 3-й и Дунайской армий, смещение Тормасова с поста командующего 3-й армией и назначение Чичагова главнокомандующим всеми вооруженными силами на юго-западе России. Царь предоставил Чичагову широкие полномочия по ведению боевых действий. О своих решениях он никого не информировал. Поздравляя 13 июля Тормасова по случаю ратификации Бухарестского мира, Барклай де Толли выразил уверенность, что «император отделит из Молдавии войска для усиления» 3-й армии³⁴. Такого же мнения был и Тормасов, который дважды обращался к Чичагову с просьбой «подкрепить» его отступающие войска. Надеясь на поддержку, он послал нарочного к командиру авангардного корпуса генералу А. Л. Воинову с просьбой ускорить марш. Чичагов усмотрел в этом посягательства на свои права. «Я принужденным нахожусь сообщить, – писал он 18 августа Тормасову, – что, получая повеления собственно от его императорского величества, я ни в одном из них не находил ничего относительно до разделения армии, под начальством моим находящейся»³⁵. В ответ на предписание

Барклай де Толли "двинуть часть войск на помощь Тормасову"³⁶ Чичагов дал понять, что подчиняется только Александру I, который приказал вести операции лишь в Польше. Мотивируя свой отказ, он писал: "Отделив же от армии еще некоторую часть, я буду не в состоянии действовать по данным мне высочайшим повелениям"³⁷.

Как видно из писем М. И. Кутузова Чичагову, главнокомандующий также не знал о планах царя в отношении Дунайской армии. Очевидно, Чичагов не сразу сориентировался, как вести себя с Кутузовым. Сослаться на "высочайшие повеления" он не рискнул, а потому и дал 31 августа ему такой уклончивый ответ.

Проявив невиданные стойкость и мужество в Бородинском сражении, русские войска обескровили армию Наполеона, подорвали ее моральный дух. Отсутствие резервов не позволило Кутузову дать новое сражение – русские войска были вынуждены оставить Москву. Но сразу же после Бородинской битвы у Кутузова созрел план разгрома врага, который, как говорилось в листовке Главного штаба, "никакие соображения не могли ни ослабить, ни изменить"³⁸. Для реализации своих замыслов фельдмаршал снова намеревался привлечь войска левофланговой группировки. Совершая Тарутинский марш-маневр, он решал многие задачи, в том числе стремился сохранить, как он писал 4 сентября Александру I, "связь с армиями Тормасова и Чичагова"³⁹.

На новом этапе войны Кутузов поставил Чичагову и Тормасову конкретные боевые задачи в письмах от 6 сентября. Сообщив о сдаче Москвы и создании новой операционной линии "по дорогам Тульской и Калужской к Смоленской", фельдмаршал просил адмирала, "соединясь с войсками генерал-лейтенанта Эртеля, итти сколь возможно будет кратчайшими и удобнейшими путями к Могилеву на Смоленскую дорогу и далее к помянутой линии как для сближения с здешними армиями, так и для угрожения неприятельского тыла и пресечения всякого сообщения его". Кроме корпуса Эртеля, Кутузов рекомендовал Чичагову взять с собой 13-ю дивизию и четыре украинских казачьих полка⁴⁰.

Выразив уверенность в том, что 3-я армия уже соединилась

с армией Чичагова и ведет «успешные действия противу неприятеля», Кутузов предписал Тормасову: «Оставив при себе генерал-лейтенанта Сакена с его корпусом, пребывать в Вольшии и Подолии для охранения того края, наипаче Киева, от покушений неприятельских». Кроме того, 3-я армия должна была обеспечивать тыл войск Чичагова во время их движения на Могилев⁴¹.

Письма Кутузова от 6 сентября подтверждали основные положения его посланий Тормасову и Чичагову от 14 и 20 августа. Вместе с тем в них был сделан ряд важных уточнений и дополнений.

Во-первых, фельдмаршал по-новому произвел распределение войск левофланговой группировки. Если раньше он намеревался переместить на московское направление 3-ю армию, то теперь – Дунайскую. Кутузов не объяснял, почему пересмотрел свое первоначальное решение, но можно предположить, что это изменение было вызвано тем, что, зная высокие боевые качества Дунайской армии, он решил привлечь ее для достижения главной цели, а 3-ю армию, успешно справлявшуюся с задачей обороны Украины, оставить на прежнем участке театра войны. Не исключено, что главнокомандующий намеревался ограничить действия Чичагова, который, пользуясь покровительством царя, проявлял стремление к проведению самостоятельных операций: вместо корпуса Остен-Сакена теперь Дунайской армии придавались 13-я дивизия и четыре казачьих полка. Такое перераспределение войск отвечало реально сложившейся обстановке на левом крыле (в это время 13-я дивизия уже присоединилась к Дунайской армии и завершилось формирование украинских полков) и более соответствовало выполнению задач, поставленных перед войсками Чичагова.

Во-вторых, четче, чем прежде, определялись район действия и задачи Дунайской армии. Если в письмах от 14 и 20 августа об этом говорилось весьма приблизительно, то теперь Кутузов предписывал Чичагову овладеть Могилевом на Днепре, выйти на Смоленскую дорогу и двигаться по ней к операционной линии Главной армии. Отсюда следует, что Дунайская армия должна была разгромить ближайший тыл Наполеона, перерезать его важнейшую коммуникацию, не допустить подхода

подкреплений в Москву, а затем, соединившись с Главной армией, принять участие в окружении и разгроме основных сил врага восточнее Днепра. Как и раньше, фельдмаршал намеревался соединить Дунайскую армию с Главной. Свое послание Чичагову он закончил такими словами: «...В ожидании столь полезного вашего со мной соединения имею честь быть...» Желая, видимо, ускорить выступление Дунайской армии на главную коммуникацию Наполеона, Кутузов писал Чичагову, что «завтра», т. е. 7 сентября, начнет «действия противу неприятеля».

План этот имел реальное основание. У Наполеона в Москве было 110 тыс. войск. Его коммуникации охраняли в то время небольшие гарнизоны: в Могилеве находилось не более 2 тыс. солдат, в Витебске — 400, под Бобруйском — 11-15 тыс., в Смоленске — 3-4 тыс.⁴² и 75-тысячной армии Чичагова, располагавшей 216 орудиями, не представляло особого труда разгромить их и форсировать Днепр. По данным рапорта М. И. Кутузова Александру I от 23 сентября, Главная армия насчитывала более 90 тыс. человек и 612 орудий⁴³. В распоряжении главнокомандующего находились ополчения первого округа, включавшие не менее 125 тыс. человек. В этом районе действовали многочисленные войсковые и крестьянские партизанские отряды.

Таким образом, фельдмаршал предполагал создать по отношению к врагу почти тройное превосходство в силах. Его план, как и прежде, предусматривал концентрическое наступление русских войск и разгром основной группировки Наполеона до подхода резервов. Участники войны высоко оценили этот замысел. Генерал А. Ф. Ланжерон, командовавший в 1812 г. корпусом Дунайской армии, писал: «Все было так хорошо рассчитано, что если бы адмирал точно исполнил все приказания, которые он получил, то не потерял бы 25 дней в Бресте, добрался бы до Днепра раньше Наполеона, перерезал бы ему путь отступления, что привело бы его к неминуемой гибели»⁴⁴.

Замысел главнокомандующего был сорван Александром I. В Красную Пахру, где размещался Главный штаб, 8 сентября приехал флигель-адъютант царя полковник А. И. Чернышев, доставивший рескрипты императора от 31 августа на имя Ку-

тузова, Витгенштейна, Чичагова и Штейнгейля, с изложением оперативного плана на второй этап войны. Александр I лицемерно предоставлял Кутузову право принять или отвергнуть его, в то же время дав задание своему адъютанту убедить фельдмаршала принять план, чего Чернышев упорно добивался два дня. Без согласования с Кутузовым царь рескриптом от 1 сентября отстранил Тормасова от командования 3-й армией и приказал объединить ее с Дунайской, назначив главнокомандующим объединенными армиями Чичагова, которого считал «способнее» Тормасова «по решимости характера». Он предписал Кутузову отозвать Тормасова в свой штаб и «вверить ему резерв»⁴⁵.

План, присланный из Петербурга, предполагал действия, противоположные тем, которые намечал Кутузов и о которых Александр I был прекрасно осведомлен. Прежде всего, в нем неверно оценивалась военно-стратегическая обстановка на театре войны. Его составители исходили из того, что русская армия, как писал царь фельдмаршалу, «преградив успехи неприятеля, удержит и дальнейшее его вторжение», а затем приступит «к наступательным действиям»⁴⁶. В действительности же русские войска, сдав Москву, отступали. В плане неверно определялось и направление главного удара. Если Кутузов планировал нанести его по основным силам Наполеона, то петербургский план преследовал цель разгромить фланговые группировки противника встречным наступлением войск Витгенштейна и Штейнгейля с севера и Дунайской армии — с юга. Решающая роль в разгроме врага отводилась не Главной армии, а Дунайской.

На словах Александр I ратовал за объединение действий всех армий и корпусов, а на деле его рескрипты предусматривали действия фланговых войск вне связи с Главной армией. Совместные действия предполагались лишь на заключительном этапе операции. Если Кутузов намечал произвести окружение армии Наполеона восточнее Днепра, то петербургский план предусматривал решение этой задачи на Березине. В рескрипте Чичагову царь предписывал занять «реку Березину и Борисов, где должно укрепить сильный лагерь и далее лес и дефилеи по дороге от Борисова до Бобра» с тем, «чтобы на возвратном пути главной неприятельской армии, пресле-

дуемой нашими войсками, тут на каждом шагу могло быть производимо сильное сопротивление...»⁴⁷. Следовательно, пространство и время уступались противнику без борьбы.

В петербургском плане скрупулезно регламентировались действия войск: в нем указывались маршруты движения, даты освобождения тех или иных городов и т. п. Так, Дунайская армия не позднее 20 сентября должна была овладеть Пинском, 26 сентября – Несвижем, 4 октября – Минском. Здесь к ней должен был присоединиться корпус Эртеля. До 10 октября войска Чичагова должны были укрепиться на Березине и наладить взаимодействие с корпусом Витгенштейна. Сопротивление противника, погодные условия и другие факторы совершенно не учитывались.

Задачи 3-й армии определялись в рескрипте Александра I «В бывшую армию генерала Торماسова». Ей предписывалось «быть от 20 до 25 сентября в Пружанах, тем отвлекая неприятеля как можно далее от Пинска и Несвижа», а с 28 сентября начать «наступательные движения» с целью разбить корпус Шварценберга и Ренье и оттеснить их в герцогство Варшавское или Галицию. В рескрипте подчеркивалось, что главная задача 3-й армии – «сокрыть движения адмирала Чичагова»⁴⁸.

Таким образом, между кутузовским и петербургским планами имелись принципиальные отличия. Главное заключалось в том, что Кутузов стремился сосредоточить усилия русских войск на уничтожение основных сил Наполеона восточнее Днепра до подхода к ним резервов. Даже в случае неудачи в выполнении этой задачи у русского командования было бы достаточно войск, пространства и времени, чтобы не допустить соединения наполеоновской армии с резервами и корпусами, действовавшими на петербургском направлении.

Уже при первом знакомстве с рескриптами царя 8 сентября Кутузов, по словам Чернышева, заявил, что «к сожалению, 6-го числа сего месяца было от него послано предписание генералу Чичагову ... следовать с Молдавскою армиею через Мозырь, Рогачев на Могилев для сближения с большими действующими армиями и угрожения неприятеля в тыл»⁴⁹. Из этого заявления следует, что фельдмаршал выразил сожаление о том, что петербургский план запоздал и что он уже отдал необходимые распоряжения. Именно так и понял его мысль

Чернышев и стал с жаром убеждать в превосходстве привезенного им плана, делая упор на то, что русские войска, действующие на флангах, выйдут на основную коммуникацию противника «по пунктам, назначенным» Александром I.

Доводы Чернышева не убедили Кутузова, но настойчивость адъютанта царя показала, что вопрос о петербургском плане предрешен. И все же фельдмаршал предпринял еще одну попытку отстоять свои намерения, заявив, что «не хочет без совета генерала Беннигсена решиться» принять новый план, и приказал Чернышеву подготовить «подробный экстракт на французском языке содержания всех бумаг», привезенных им. Взаимоотношения М. И. Кутузова и Л. Л. Беннигсена хорошо известны. Что же тогда заставило его апеллировать к своему недругу? Источники на этот счет не содержат никаких данных. Можно лишь предположить, что он рассчитывал на то, что Беннигсен заметит явные просчеты петербургского плана.

Надежды главнокомандующего оправдались. Ознакомившись с «экстрактом», Беннигсен одобрил петербургский план. Вот как Чернышев описывает этот важный момент: «Так как по прочтению сей бумаги (экстракта. – Б. А.) генерал Беннигсен был во всем мнением своим согласен с начертанным планом, то князь и репился произвести его в действие без всякой перемены...»⁵⁰.

Из Красной Пахры Чернышев выехал в Дунайскую армию лишь 10 сентября. Кроме того, несколько дней от потерял в поисках штаба Кутузова. Поэтому к числам, указанным в петербургском плане, фельдмаршал прибавил по пять суток. «Князь сказал мне при том, – пишет Чернышев, – что он желает, чтобы командующие армиями не очень стеснялись бы выставленными числами»⁵¹. Следовательно, по новому расписанию войска Чичагова должны были овладеть Минском 10 октября, а 15 – выйти на берега Березины. Соответствующим образом были изменены даты и в остальных рескриптах.

10 сентября Кутузов предписал Чичагову воздержаться «от производства в действие» его распоряжений от 6 сентября и приступить «к исполнению высочайшей воли», подчеркнув, что действия Дунайской армии должны быть направлены «к об-

дней цели». Он ни словом не обмолвился об объединении 3-й и Дунайской армий, не отзывал Тормасова, а лишь поручил Чичагову «препроводить еще повеление государя императора в бывшую армию генерала Тормасова» и указал, что Чернышев снабжен «многими изустными наставлениями» Александра I. Тем самым Кутузов возложил на адъютанта царя неблагоприятную миссию отстранения Тормасова от армии⁵².

В тот же день Кутузов донес императору о своем «опробировании» плана и отметил (в завуалированной форме) основной его недостаток: «Сказать должно, что отдаленные диверсии от главного действия войны не могут иметь над нею такого влияния, как ближние...». Фельдмаршал настаивал на том, чтобы Чичагов как можно быстрее вышел на операционную линию Наполеона либо для сближения с корпусом Витгенштейна, либо «сколь можно скорее приблизиться к окрестностям Могилева». «Сим, — подчеркивал он, — заботливее делается положение главных неприятельских сил и тем скорее вынужденным он будет оставить сердце России»⁵³.

Рассмотрим план контрнаступления, разработанный штабом 3-й армии. Первое упоминание о нем содержится в письме Чичагова Тормасову от 24 августа. Сообщив о подходе своей армии к Днестру, адмирал писал: «Я полагаю, что нам очень возможно будет переменить действия наши из оборонительных в наступательные. Я вас покорно прошу заняться предварительно по знанию вашему тех мест планом, коего держаться можно было»⁵⁴. Тормасов дал согласие. Но 28 августа он получил письмо Кутузова от 14 августа, которое, по его словам, вносило «некоторую перемену в общих предположениях». Тормасов известил об этом Чичагова и предложил ему или начальнику штаба приехать в Луцк для согласования совместных действий. Адмирал, получивший послание Кутузова вместе с письмом Тормасова 30 августа, в тот же день писал последнему: «Находя весьма полезным предназначаемое с вами свидание, я завтра отправляюсь из Каменца в Дубно и оттуда в Луцк ... и мы объяснимся с вами по предмету перемен в общих предположениях»⁵⁵.

Тормасов оказался в сложном положении: с одной стороны, он располагал предписанием Кутузова не проводить «отдаленных диверсий» и уже дал согласие выступить на соеди-

нение с Главной армией, с другой — Чичагов уверял его, что имеет «повеление» царя действовать «совокупными силами в герцогстве Варшавском»⁵⁶. Тормасов принял это предложение. 3 сентября он направил адмиралу план под названием «Мнение для наступательных движений двух действующих армий противу соединенных неприятельских сил, за рекою Стыром расположенных».

Учитывая, что наполеоновские войска на Вольни были сосредоточены в трех пунктах (саксонский корпус — у м. Киселина, австрийский — у с. Колобы, польская дивизия — у г. Владимира), план предусматривал наступление в этих направлениях. Главной задачей являлось не уничтожение живой силы противника, а изгнание захватчиков из Вольни. «Какое бы неприятель не предпринял отступление, — говорилось в плане, — обе армии будут против него соединенно действовать, чтобы вытеснить его из Вольни»⁵⁷.

3 сентября, после отправки плана Чичагову, Тормасов получил предписание Кутузова от 20 августа и немедленно известил об этом адмирала, попросив сообщить, получил ли тот указания главнокомандующего «относительно губерний Подольской, Волынской и области Тарнопольской»⁵⁸. Этот запрос косвенно свидетельствует о согласии Тормасова выполнить распоряжение фельдмаршала, Чичагову снова удалось убедить его, как он писал Беннигсену, «атаковать неприятеля одновременно, если он заблагорассудит обождать нас; если же отступит, то будем его преследовать»⁵⁹.

Таким образом, вопреки директивам Кутузова и до получения петербургского плана выполнявший волю царя Чичагов, а вместе с ним и Тормасов, решили действовать по своему плану. Для проведения наступательных операций они выделили 55 тыс. солдат и офицеров. Остальные войска обеспечивали безопасность Юго-Западного края. Дунайская армия форсировала Стырь 10, а 3-я армия — 11 сентября. Противник без боя отступил.

12 сентября Тормасов и Чичагов получили письма Кутузова от 6 сентября. На другой день командующие встретились в Торчине, где обсудили план дальнейших действий. Было решено продолжать наступление. 14 сентября адмирал писал фельдмаршалу: «Мы согласились с г. Тормасовым преследо-

вать его (противника. — Б. А.) по направлению к Ковелю, куда он, кажется, стремится. Потом, собрав как прежде бывшие под начальством моим, так и вновь назначенные войска, я пойду кратчайшим путем на Могилев». Соглашаясь выполнить предписание Кутузова, Чичагов просил прислать «точное подтверждение, продолжать ли преследование» противника «или, оставя его, идти, не взирая ни на что, к Могилеву»⁶⁰. Совершенно очевидно, что адмирал пытался оттянуть срок своего выступления на соединение с Главной армией. Видимо, он ожидал решения Александра I об объединении 3-й и Дунайской армий.

17 сентября в штаб Чичагова прибыл Чернышев с рескриптами царя и новым предписанием Кутузова. Ознакомившись с петербургским планом, адмирал нашел его «обширным и важным» и лишь посетовал на чрезмерную регламентацию действий вверенных ему войск⁶¹. По словам Чернышева, Тормасов «весьма огорчился своим перемещением»⁶². На очередном военном совете было решено, что он будет командовать армией до полного освобождения Волынской губернии.

Выполняя приказ Наполеона «сковать русские войска и ни под каким видом не допустить, чтобы они вышли на коммуникацию» французской армии⁶³, Шварценберг и Ренье отступили за Буг. 30 сентября русские армии освободили Брест. 1 октября Чичагов доложил Кутузову о вступлении в командование объединенными войсками, за которыми сохранялось название 3-й Западной армии. Тормасов выехал в Главный штаб.

В районе Бреста 3-я армия находилась две недели. Чичагов рассчитывал разбить австро-польско-саксонские войска и вторгнуться в герцогство Варшавское. «Цель моих действий, — доносил он 3 октября Александру I, — будет отчасти достигнута отступлением неприятеля в герцогство»⁶⁴. На польской территории вели военные действия 5 войсковых партизанских отрядов. Их успехи породили, видимо, у адмирала иллюзии о легкой победе. 5 октября он направил в герцогство десяти тысячный корпус генерала П. К. Эссена и предписал генералу Ланжерону готовиться к походу. 6 октября войска Эссена были атакованы под Бялой превосходящими силами врага. Потеряв 126 человек убитыми и 209 ранеными, Эссен отступил⁶⁵. Осечка под Бялой охладила наступательный пыл адми-

рала. Он отозвал все отряды под Брест. Задержка 3-й армии была на руку Наполеону.

О своих планах и действиях Чичагов не информировал Кутузова, но тот разгадал его замыслы. Рапорт Чичагова от 14 сентября он получил 22 сентября и в тот же день писал Александру I, что «адмирал Чичагов намерен был действовать и далее от Бреста на Варшавское герцогство», подчеркнув, что это противоречит «общему плану»⁶⁶.

Наполеон узнал о переходе 3-й и Дунайской армий в наступление из донесения Шварценберга, поступившего в Москву 24 сентября. Есть основания считать, что это известие ускорило решение Наполеона оставить Москву. С 24 сентября началась подготовка отступления. Оперативная его переписка конца сентября — начала октября показывает, что французский полководец разработал грандиозный план войны на осень 1812 г. Главная французская армия при поддержке войск, дислоцирующихся в Смоленской губернии и Южной Белоруссии, должна была прорваться через Калугу на Украину. На австро-польско-саксонские войска, численность которых он требовал довести до 160 тыс. человек, возлагалась задача разгромить 3-ю и Дунайскую армии и овладеть западными украинскими губерниями. Французский император рассчитывал перезимовать на Украине, усилить свою армию, а весной 1813 г. возобновить военные действия⁶⁷.

На решение Наполеона оставить русскую столицу оказали влияние и другие факторы: пожар Москвы, начавшееся разложение его армии, отказ правительства России вести переговоры о мире, приближение зимы. Но главной причиной бегства врага из белокаменной была народная война. «... Не усматривая впереди ничего другого, как продолжение ужасной народной войны, способной в краткое время уничтожить всю его армию... предпринял он поспешное отступление вспять»⁶⁸, — констатировала 24 октября листовка Главного штаба.

Кутузов знал о тяжелом положении французской армии и был убежден, что «Наполеон долго в Москве не пробудет». Важно было установить направление, в котором двинется неприятель. Свои первые соображения на этот счет он изложил в рапорте Александру I от 22 сентября, т. е. в тот день, когда убедился из донесений Чичагова и Тормасова в невозможнос-

ти привлечь их войска к борьбе против основных сил Наполеона. «Показания пленных и дезертиров весьма разнообразны, — писал фельдмаршал. — Трудно теперь проникнуть намерение его (Наполеона. — Б.А.), показания некоторых пленных дают даже подозрение, что неприятель намерен ретироваться по Смоленской дороге»⁶⁹. Из донесения видно, что показаниям пленных о намерении Наполеона отступить по Смоленской дороге Кутузов не доверял.

В конце сентября — начале октября он провел серию мероприятий, направленных на срыв замыслов противника, прежде всего — поставил под наблюдение армейских партизан все возможные пути отхода наполеоновской армии из Москвы. Это позволило своевременно установить скрытое движение наполеоновской армии к Малоярославцу. Заблаговременно высланные им войска подошли 12 октября к городу почти одновременно с передовыми частями французов. В ожесточенном сражении за Малоярославец русская армия сорвала основной замысел стратегического плана Наполеона — прорваться в Калугу, затем в украинские губернии.

Вынудив наполеоновскую армию отступать по разоренной Смоленской дороге, главнокомандующий выполнил часть своего плана. Направив авангард через Боровск к Верее, Кутузов с основными силами двинулся 15 октября на Вязьму и тем самым приступил к реализации второго замысла — параллельного преследования и уничтожения войск неприятеля. По его словам, параллельное движение давало возможность сохранять «сообщение с нашими хлебобродными провинциями» и прикрывать их, поддерживать связь с войсками Чичагова, а также заставляло противника непрерывно отступать, «опасаясь, чтобы я его не обошел». Но главной задачей Кутузов считал «истребление врага до последней черты возможности»⁷⁰. С этой целью он направил «летучие» отряды, которые наносили непрерывные удары по отступавшим вражеским колоннам. Наполеону не удалось ни остановиться, ни сойти со Смоленской дороги. В сражениях под Вязьмой, Дорогобужем, Ляховом русские войска нанесли противнику жестокие удары.

Крупных успехов в это время добились корпуса Витгенштейна и Штейнгейля, овладевшие сильно укрепленным Полоцком и нанесшие жестокое поражение противнику при Ушаче

и Чашниках. Корпуса К. Виктора, Гувьона Сен-Сира и Удино отступали к г. Сенно. Создалась реальная возможность разгромить основные силы Наполеона в междуречье до их соединения с этими корпусами. В предписании Витгенштейну от 2 ноября Кутузов одобрил его действия и выразил предположение о том, что отступающие вражеские корпуса попытаются «соединиться с главной их армией». Он поделился своим намерением нанести поражение Наполеону под Красным, а затем, «переправясь при Орше или другом каком месте через реку Днепр, направиться в направлении через Смолыны на Сенно или Лепель». «Я полагаю, — подчеркивал фельдмаршал, — что главное поражение, которое неприятелю нанести можно, должно быть между Днепром, Березиною и Двиною, и для того содействие ваше в сем случае необходимо»⁷¹.

Одновременно Главный штаб решил провести две операции по освобождению Южной Белоруссии. На корпус Эртеля возлагалась задача разгромить дивизию Домбровского и снять осаду Бобруйской крепости, гарнизон которой почти четыре месяца вел героическую борьбу. «Сим движением доставя значущую выгоду в главном предмете всех действий, — писал 28 октября Кутузов Эртелю, — ваше превосходительство будете непосредственно способствовать истреблению общего врага»⁷².

Черниговское земское ополчение, усиленное украинскими казачьими полками, должно было «занять г. Могилев без малейшей потери время». Приказ двигаться на Могилев получили также часть Калужского ополчения и армейские партизанские отряды А. П. Ожаровского, Д. В. Давыдова, А. С. Сеславина. Перед каждым из них ставилась конкретная боевая задача. Так, Сеславиному поручалось вести разведку, а Давыдову, переправясь через Днепр, — прервать «неприятелю всякое сообщение между Могилевым и Оршею». Каждое соединение получило направление движения: Черниговское ополчение с приданными полками наступало на Могилев с юга, Калужское — с юго-востока, отряд Ожаровского — с севера. Во всех приказах подчеркивалось значение этой операции. Так, в приказе на имя Д. В. Давыдова говорилось: «Генерал-адъютант граф Ожаровский, генерал-лейтенант Шепелев (начальник Калужского ополчения. — Б. А.) и Черниговское ополче-

ние — все направлены на Могилев, ибо овладение одного есть самая большая важность для армии»⁷³.

Таким образом, в конце октября Кутузов намеревался разгромить по частям находившиеся в Белоруссии вражеские войска. Самую ответственную задачу — ликвидацию основных сил Наполеона — фельдмаршал возлагал на Главную армию, корпуса Витгенштейна и Штейнгейля. Он не определял точно район, где намеревался дать решающее сражение, но совершенно очевидно, что оно должно было произойти до Березины.

Не все эти замыслы были реализованы. Как и рассчитывал Кутузов, Главная армия упредила противника под Красным и в трехдневном сражении (4-6 ноября) нанесла жестокий урон корпусам маршалов Л.-Н. Даву и М. Нея. Успешно была проведена Могилевская операция. Но генералы Эртель, Витгенштейн и Штейнгейль не выполнили поставленных задач.

Сославшись на трудности переправы через Припять, покрывавшейся льдом, Эртель не выступил из Мозыря. Дивизия Домбровского беспрепятственно отошла в Борисов и сыграла главную роль в боях за город. Не выполнил он и требование петербургского плана о движении на Борисов. Сложилась парадоксальная ситуация: Чичагов игнорировал распоряжения главнокомандующего, а Эртель не выполнял приказы Чичагова. Разгневанный адмирал отстранил строптивого генерала от командования корпусом и назначил вместо него генерал-майора А. С. Тучкова. Сообщая об этом Кутузову, Чичагов 7 ноября писал: «Надеюсь, что за столь важное преступление он (Эртель. — Б. А.) предан будет суду...»⁷⁴.

Не лучшим образом поступил и Витгенштейн. Овладев 20 октября Лепелем, он доложил Александру I о своем намерении наступать на Вильно и представил дело так, что якобы его войска сражаются чуть ли не со всей наполеоновской армией. В рескрипте от 30 октября царь обвинил Кутузова в том, что тот подверг корпус Витгенштейна «очевидной опасности»⁷⁵. Фельдмаршалу пришлось опровергать это лишенное основания обвинение и заверять императора в том, что неприятель со всеми силами своими не в состоянии нанести сильного вреда генералу Витгенштейну»⁷⁶.

Необходимо подчеркнуть, что Кутузов не настаивал на

выполнении своих распоряжений, отданных Витгенштейну и Эртелю. Во-первых, он прекрасно понимал, что оба генерала, зная о присланном Александром I плане, вольны были не выполнять его предписаний. Во-вторых, 3 ноября фельдмаршал получил рапорт Чичагова от 20 октября, в котором тот сообщал, что, «не видя в преследовании неприятеля до Вислы к существенной для операций наших пользы, кроме совершенной потери времени в достижении предназначенных» ему «пунктов», решил следовать на Березину»⁷⁷.

Это донесение чрезвычайно обрадовало Кутузова. «С несказанным удовольствием получил я рапорт ваш от 20 октября под № 1790, — писал он в тот же день адмиралу, — из которого вижу, что вы надеетесь около 7-го числа быть в Минске. Сие движение ваше решить должно несказанно много при нынешних обстоятельствах». Фельдмаршал подробно информировал Чичагова о действиях своей армии, о тяжелом положении войск противника и выразил уверенность в успешном завершении операции по окружению и разгрому врага. Пересылая Александру I рапорт Чичагова, он 4 ноября писал: «Сие движение обещает самые счастливые последствия, ибо от Минска только 2 марша до Борисова — место, где предполагается общее соединение всех сил». Сообщив о следовании Главной армии «параллельно движению неприятеля», об установлении «непрерывного сообщения с графом Витгенштейном» и о посылке «летучих» отрядов в разных направлениях, Кутузов сделал заключение: «Сим средством, беспокоя неприятеля со всех сторон, упреждая и затрудняя везде его марш, с помощью всевышнего надеюсь нанести неприятелю величайший вред»⁷⁸.

Только 3-4 ноября главнокомандующий принял решение разгромить наполеоновскую армию на Березине, в районе Борисова. Это был уже третий район, в котором он намеревался нанести противнику «главное поражение». Но необходимо подчеркнуть, что такое решение Кутузов вынужден был принять под давлением обстоятельств. Витгенштейн и Эртель отказались следовать в междуречье. Войска русских фланговых группировок стягивались к Березине. Сюда же отступали остатки главной армии Наполеона, корпуса Виктора, Гувииона Сен-Сира и Удино.

Ход и результаты Березинской операции освещены в тру-

дах Л. Г. Бескровного, П. А. Жилина, Н. А. Троицкого и других историков, хотя и здесь есть еще немало неясных и неизученных вопросов⁷⁹.

Итак, в рескрипте Александра I от 8 августа 1812 г. и ряде других документов подчеркивалось, что М. И. Кутузов назначается главнокомандующим «над всеми действующими армиями». Однако это назначение носило формальный характер. Фактически ему подчинялись только 1-я и 2-я армии, объединенные затем в Главную. Командующим 3-й и Дунайской армиями, командирам отдельных корпусов царь отдавал приказы через голову главнокомандующего и без согласования с ним. В привилегированном положении находился адмирал П. В. Чичагов, которому император предоставил огромную власть и подчинил значительную часть войск. Все это Кутузов прекрасно понимал. Не случайно он обращался к начальникам этих соединений не с приказами и распоряжениями, а с письмами.

Вмешательство Александра I в управление войсками особенно пагубно сказалось при разработке планов разгрома врага. Зная о намерении Кутузова нанести поражение центральной группировке Наполеона силами Главной и Дунайской армий восточнее Днепра, царь вместе с тем утвердил разработанный его ближайшим окружением план, который преследовал цель разгромить прежде всего фланговые группировки и выйти к Березине. Без согласования с фельдмаршалом он произвел перестановку в высшем командном составе, тем самым грубо нарушив утвержденное им накануне войны «Учреждение для управления Большой действующей армии».

Это привело к тому, что в период контрнаступления русские войска действовали по двум стратегическим планам: Главная армия – по кутузовскому, фланговые группировки – по петербургскому. Пользуясь покровительством Александра I, Чичагов, Витгенштейн и Эртель не выполняли предписаний Кутузова, а Чичагов уклонялся даже от выполнения петербургского плана и почти на месяц опоздал с выходом к Березине.

Замыслы Кутузова в ходе контрнаступления менялись в зависимости от конкретно складывающейся обстановки на театре военных действий. Но главная идея его плана – кон-

центрическим наступлением основных сил русских войск окружить и уничтожить армию Наполеона до ее соединения с резервами и фланговыми группировками – оставалась неизменной с середины августа до начала ноября. Реализация этого замысла позволила бы закончить войну в короткий срок и с минимальными потерями. Но он был сорван по вине Александра I. Русской армии пришлось вести изнурительное преследование противника, что привело к большим жертвам. В начале декабря Главная армия насчитывала всего 27462 человека. «Главная же армия от беспрестанных действий, чрез два месяца продолжающихся, – доносил главнокомандующий царю 7 декабря, – пришла в такое состояние, что слабость ее в числе людей должно было утаить не только от неприятеля, но и от самих чиновников, в армии служащих, и для того сведения собирались частно по полкам и бригадам. Сие сведение только в руках дежурного генерала П. П. Коновницына и того человека, коего рукою сие написано»⁸⁰.

Впервые в истории военного искусства русский полководец мастерски осуществил параллельное преследование противника. Отнюдь не историки «сталинской школы», как пытается убедить читателей Н. А. Троицкий, а немецкий военный историк К. Клаузевиц первым высоко оценил полководческое искусство М. И. Кутузова в этот сложный период войны: «Никогда преследование неприятеля в большом масштабе не велось так энергично и с таким напряжением сил, как в эту кампанию... Такое напряжение делает великую честь князю Кутузову»⁸¹.

Находясь в крайне двойственном положении, М. И. Кутузов проявил не только выдающиеся качества полководца, но ум, выдержку и гибкость государственного деятеля. Его твердость и последовательность способствовали достижению им же поставленной цели – истребить наполеоновское войско «до последней черты возможности». Результаты соответствовали великим замыслам. Как видно из записки министра полиции А. Балашова, датированной концом декабря 1812 г., на территории Калужской, Московской, Смоленской, Минской, Могилевской, Виленской губерний и Белостокского округа было подобрано и истреблено 430707 трупов наполеоновских солдат и офицеров⁸². Русские взяли в плен не менее 230 тыс. чело-

век⁸³, в том числе 48 генералов и 4 тыс. офицеров, отбили почти 1 тыс. орудий, 100 знамен и штандартов. В приказе по армии от 21 декабря М. И. Кутузов писал: «Храбрые и победоносные войска! Наконец вы на границах империи, каждый из вас есть спаситель Отечества!»⁸⁴.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: М. И. Кутузов: Сб. док. М., 1955. Т. 4. Ч. 2. С. 392.

² Бутурлин Д. П. История нашествия Наполеона на Россию в 1812 г. Ч. 2. СПб., 1824. С. 14.

³ Зотов Р. М. Военная история Российского государства. Ч. 4. СПб., 1839. С. 126.

⁴ См.: Михайловский-Данилевский А. И. Описание Отечественной войны в 1812 г. по высочайшему повелению. Ч. 3. СПб., 1840. С. 42-52; Шильдер Н. К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. СПб., 1897. Т. 1. С. 122.

⁵ См.: Попов А. Н. Отечественная война 1812 г. От Малоярославца до Березины. Историческое исследование. СПб., 1877. С. 262-263; Харкевич В. И. 1812 год. Березина. СПб., 1893. С. 12-17; Михневич Н. П. Отечественная война 1812 г. СПб., 1912. Вып. 4. С. 13 и др.

⁶ См., напр.: Тарле Е. В. Нашествие Наполеона на Россию в 1812 году. М., 1938.

⁷ См.: Полководческая деятельность Кутузова в 1812 г. Документы // Воен. мысль. 1945. № 9; Фельдмаршал Кутузов: Сб. док. М., 1945. Вторым исправленным и значительно расширенным изданием сборник вышел в 1947 г.

⁸ Михаил Илларионович Кутузов. К 200-летней годовщине со дня рождения. М., 1945. С. 32.

⁹ См.: Ярославцев А. Стратегия Кутузова в войне 1812 г. // Воен. мысль. 1945. № 9; Готовцев А. Полководческий путь М. И. Кутузова // Там же. № 12.

¹⁰ См.: Готовцев А. Указ. соч. С. 60.

¹¹ Коробков Н. М. Михаил Кутузов. М., 1945. С. 48.

¹² Военная мысль. 1945. № 12. С. 92.

¹³ Большевик. 1947. № 3. С. 92.

¹⁴ См.: Линков Я. И. Отечественная война 1812 г. и стратегическое контрнаступление Кутузова // Пропагандист и агитатор (журн. ГПУ ВС СССР). 1947. № 9; Жилин П. А. Контрнаступление Кутузова в 1812 г. // Там же. № 20.

¹⁵ Жилин П. А. Контрнаступление Кутузова в 1812 г. М., 1950. Второе издание, расширенное и уточненное, вышло в 1953 г. под названием «Контрнаступление русской армии в 1812 г.».

¹⁶ Жилин П. А. Контрнаступление Кутузова... С. 286-287.

¹⁷ Бескровный Л. Г. Отечественная война 1812 г. и контрнаступление Кутузова. М., 1951.

¹⁸ См.: М. И. Кутузов: Сб. док. М., 1950-1956. Т. 1-5.

¹⁹ См.: Абалихин Б. С., Дунаевский В. А. Отечественная война 1812 г. и освободительная миссия русской армии (итоги и перспективы исследований) // История и историки. Историограф. ежегодник. 1974. М., 1976; Абалихин Б. С., Дунаевский В. А. Новое в изучении истории Отечественной войны 1812. М., 1983; Абалихин Б. С., Дунаевский В. А. 1812 год на перекрестках мнений советских историков. М., 1990.

²⁰ См.: Бескровный Л. Г. Две стратегии // 1812 год. К 150-летию Отечественной войны: Сб. ст. М., 1962; Бескровный Л. Г. Отечественная война 1812 г. М., 1962; Бескровный Л. Г. Русское военное искусство XIX в. М., 1974; Жилин П. А. Полководческая деятельность М. И. Кутузова в Отечественной войне 1812 г. // Воен.-истор. журнал. 1962. № 7; Жилин П. А. Гибель наполеоновской армии в России. М., 1968; 2-е изд., испр. и доп. М., 1974; Жилин П. А. Михаил Илларионович Кутузов. Жизнь и полководческая деятельность. М., 1978; Троицкий Н. А. 1812. Великий год России. М., 1988.

²¹ Так, Л. Г. Бескровный подчеркивал, что «Кутузов именно на Березине наметил завершить окружение и нанести концентрический удар» (Бескровный Л. Г. Русское военное искусство XIX в. С. 122). О том, что Кутузов, находясь под Тарутином, планировал разгромить наполеоновскую армию на Березине, говорится и во многих других авторитетных изданиях (см.: История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1967. Т. 4. С. 144; История СССР. XIX – начало XX в. М., 1987. С. 57; Советская военная энциклопедия. М., 1980. Т. 8. С. 483).

²² См.: М. И. Кутузов: Сб. док. М., 1954. Т. 4. Ч. 1. С. 81.

²³ Там же. С. 83-84.

²⁴ Двенадцатый год (1812). Исторические документы собственной канцелярии главнокомандующего III Западной армией А. П. Тормасова. СПб., 1912 (далее – Документы генерала Тормасова). С. 26.

²⁵ М. И. Кутузов: Сб. док. Т. 4. Ч. 1. С. 112.

²⁶ Там же. С. 113.

²⁷ Там же. С. 112.

²⁸ РГВИА, ф. ВУА; 1812 г., д. 3508, л. 24.

²⁹ Там же, ф. 14414 (Главный штаб 1-й Западной армии); 1812 г., оп. 11а, св. 281, д. 8, ч. 3, л. 7 и об.

³⁰ Санкт-Петербургское отделение Архива АН, ф. 489 (ф. Н. К. Шильдера), оп. 1, д. 33, л. 13.

- ³¹ Цит. по: Горяинов С. 1812 год. Ч.2. СПб., 1912. С. 89-90.
- ³² Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. Канцелярия, 1812 г., д. 2100, л. 1; д. 2107, л.1 и об.; РГВИА, ф. 103 (ф. М. В. Барклая де Толли); 1812 г., оп. 208 а, св. 0, д. 10, лл. 341-342.
- ³³ Отечественная война 1812 г. Материалы ВУА. СПб., 1912. Т. 17. С. 145; Документы генерала Тормасова. С. 15.
- ³⁴ РГВИА. ф. 103; 1812 г., оп. 208 а, св. 0, д. 13, л. 338 и об.
- ³⁵ Там же, д. 10. лл. 341-342.
- ³⁶ Там же, ф. ВУА; 1812 г., д. 3502, л. 120; Отечественная война 1812 г. Материалы ВУА. Т. 17. С. 167-168.
- ³⁷ РГВИА, ф. 103; 1812 г., оп. 208 а, св. 0, д. 10, л. 354.
- ³⁸ М. И. Кутузов: Сб. док. М., 1955. Т. 4. Ч. 2. С. 440.
- ³⁹ См. Там же. Ч. 1. С. 233-234.
- ⁴⁰ Там же. С. 244.
- ⁴¹ Там же. С. 244-245.
- ⁴² Там же. С. 414-415.
- ⁴³ Там же. С. 355-358, 361.
- ⁴⁴ Записки графа А. Ф. Ланжерона // Изборник разведчика. 1899. № 12. С. 93.
- ⁴⁵ М. И. Кутузов: Сб. док. Т. 4. Ч. 1. С. 224. «Сохраните сей рескрипт в тайне, дабы не оскорбить впротчем весьма уважаемого мною генерала Тормасова», — лицемерно писал М. И. Кутузову царь.
- ⁴⁶ Там же. С. 194.
- ⁴⁷ Там же. С. 464-465.
- ⁴⁸ Там же. С. 465-466.
- ⁴⁹ Там же. С. 265.
- ⁵⁰ Там же. С. 266.
- ⁵¹ Русская старина. 1909, сентябрь. С. 266-267.
- ⁵² М. И. Кутузов: Сб. док. Т. 4. Ч. 1. С. 269.
- ⁵³ Там же. С. 268.
- ⁵⁴ РГВИА, ф. 103; 1812 г., оп. 208 а, св. 0, д. 13, л. 347.
- ⁵⁵ Там же, лл. 356-357.
- ⁵⁶ Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1409 (ф. Собственная Е. И. В. канцелярия), оп.1; 1812 г., д. 649.
- ⁵⁷ РГВИА, ф. 103; 1812 г., оп. 208 а, св. 0, д. 13, л. 360.
- ⁵⁸ Там же, л. 361.
- ⁵⁹ Беннигсен Л. Л. Письма о войне 1812 г. Киев, 1912. С. 129.
- ⁶⁰ Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной Е. И. В. канцелярии. Вып.10. СПб., 1898. С. 47.

- ⁶¹ Сборник Русского исторического общества. СПб., 1871. Т. 6. С. 32.
- ⁶² Сборник исторических материалов... С. 272.
- ⁶³ Correspondance de Napoléon 1-er. P., 1868. Т. 24. P. 1169; Fain (A. I. F.). Manuscrit de 1812, contenant le précis des événemens de cette année. P., 1827. Т. 1. P. 423-424.
- ⁶⁴ Отечественная война 1812 г. Материалы ВУА. СПб., 1912. Т. 19. С. 323.
- ⁶⁵ РГВИА, ф. ВУА; 1812 г., д. 3518, ч. 1, л. 232, 234.
- ⁶⁶ М. И. Кутузов: Сб. док. Т. 4. Ч. 1. С. 351-352.
- ⁶⁷ См. предыдущую статью.
- ⁶⁸ Листовки Отечественной войны 1812 г.: Сб. док. М., 1962. С. 56.
- ⁶⁹ М. И. Кутузов: Сб. док. Т. 4. Ч. 1. С. 354.
- ⁷⁰ М. И. Кутузов: Сб. док. Т. 4. Ч. 2. С. 226, 283, 392.
- ⁷¹ Там же. С. 269.
- ⁷² Там же. С. 230-231.
- ⁷³ Там же. С. 187, 339.
- ⁷⁴ РГВИА, ф. 14414; 1812 г., оп. 10/291; св. 68 (281), л. 12, л. 22.
- По распоряжению Александра I Эртель был назначен в декабре 1812 г. военным генерал-полицмейстером действующей армии (см.: Сборник исторических материалов, извлеченных из архива собственной Е. И. В. канцелярии. Вып.2. СПб., 1878. С. 214).
- ⁷⁵ РГВИА, ф. ВУА; 1812 г., д. 453, л. 29.
- ⁷⁶ М. И. Кутузов: Сб. док. Т. 4. Ч. 2. С. 322.
- ⁷⁷ Сборник исторических материалов... С. 102-103.
- ⁷⁸ М. И. Кутузов: Сб. док. Т. 4. Ч. 2. С. 282, 291-292.
- ⁷⁹ См. ст. «Наступление 3-й армии на Минск и Борисов» в данном сборнике.
- ⁸⁰ М. И. Кутузов: Сб. док. Т. 4. Ч. 2. С. 551.
- ⁸¹ Клаузевиц К. 1812 год. М., 1937. С. 129.
- ⁸² Горяинов С. 1812 год... Т. 2. С. 98. Потери русской армии за время войны убитыми, ранеными и умершими от болезней составили 300 тыс. человек, из них 175 тыс. небоевых (Шведов С. В. Комплектование, численность и потери русской армии в 1812 г. // История СССР. 1987. № 4).
- ⁸³ Подробнее см.: Любавин М. Пленные 12-го года // Нева. 1987. №9. С. 195.
- ⁸⁴ М. И. Кутузов: Сб. док. Т. 4. Ч. 2. С. 633.